

К ВОПРОСУ О КОНЦЕПЦИИ ИСТОРИИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В современных условиях необходима существенная корректировка российской концепции истории Второй мировой войны. Такая корректировка расширила бы горизонт нашего видения явлений предвоенного периода и проблем, возникших в период войны. Обновление концепции вооружило бы нас эффективным инструментарием для решения проблем, которые рассматриваются как тяжелое бремя, доставшееся нынешнему поколению в наследство от 1930–1940-х гг. Накопленный исторической наукой багаж позволяет устранить ряд мифов и упрощений в трактовке событий этой войны. В каком направлении можно двигаться?

В период Второй мировой войны в зоне активности советского государства проявилось несколько тенденций. Каждую из них необходимо характеризовать, используя адекватные ей категории, и рассматривать как самостоятельный текст истории этой войны. Первый, давно очевидный, текст войны, отложившийся и в историографии, и в народном сознании, состоит в том, что это была Великая Отечественная война. В ходе этой войны наш народ оказал сопротивление агрессору; одержав победы в тяжелых сражениях, уничтожил гитлеровскую военную машину и, в конечном итоге, отстоял свою национальную независимость. В этой борьбе советский народ проявил самоотверженность и героизм, защищая свою территорию, свой материальный и духовный потенциал. При этом народ понес непомерные жертвы, масштаб которых был связан и с жестокостью врага, и с немудрыми действиями советских политических и военных вождей. Миссию свою наш народ выполнил в полном объеме. Слава ему за это!

Второй текст имеет преимущественно внешнеполитическое содержание. Период Второй мировой войны был временем попыток реализации давних имперских замыслов советского руководства, восходящих к временам гражданской войны, когда звучал призыв «Вперед на Варшаву, на Берлин!», и планов похода в Иран и Индию. Эти замыслы были облачены в большевистские идеологические одежды (борьба против империализма, освобождение трудящихся других стран, оказание им помощи в борьбе всесторонней – в т. ч. и военной – помощи, восстановление наших исторических

«прав» на те или иные территории, прилегающие к государственной границе СССР, выход на рубежи, гарантирующие нам надежную защиту от внешней агрессии и т. д., и т. п.).

Весь идеологический камуфляж служил прикрытием для полновесного участия Советского Союза во Второй мировой войне отнюдь не с 22 июня 1941 г., когда она для большинства советского народа, действительно, становилась отечественной, а с середины сентября 1939 г. Если, пользуясь ленинско-сталинской терминологией, считать, что она началась как империалистическая (связана с борьбой за передел мира и т. п.), то совершенно очевидно, что советское руководство осенью 1939 г. втянуло нашу страну именно в такую войну со всеми ее трагическими последствиями, которые спустя десятилетия свалятся на голову нашего народа, и со всем позором и проклятиями, которыми через полвека будут нас осыпать всевозможные соседи.

Секретный протокол, дополнявший Пакт Молотова-Риббентропа, убедительно свидетельствует об империалистическом характере целей советского руководства. Этот протокол уже давно и справедливо оценен историками как документ, санкционировавший безнаказанный раздел части европейского континента на зоны не только влияния, но и фактической оккупации силами Германии и СССР.

Советский Союз свою часть «прав», вытекавших из этого протокола, стал воплощать с поистине большевистским размахом, проявляя при этом, в некотором роде, «творческий подход».

Оккупация восточных районов Польши и некоторых территорий Румынии произошла под вывеской воссоединения украинских, белорусских и молдавских единоплеменников с советским массивом этих народов. Территории прибалтийских государств были заняты другим способом. Этим государствам были навязаны «договоры о взаимопомощи»; затем под предлогом защиты Прибалтики перед лицом германской угрозы на данных территориях были размещены советские воинские гарнизоны и военные базы. После этого здесь были проведены, управляемые из Москвы, «выборы» прокоммунистических сеймов в Литве и Латвии и Госсовета в Эстонии, после чего последовало «удовлетворение просьбы» этих парламентов о принятии названных трех государств в состав СССР. По доброй воле на это государственное самоубийство литовцы, латыши и эстонцы не пошли бы.

В отношении более строптивой Финляндии советские лидеры опробовали другой, подготовленный ими, сценарий. Было спровоцировано военное столкновение на советско-финляндской границе; на территории советской Карелии создано марионеточное правительство «Народной Финляндии», которое готовилось установить «свою» власть в этой стране при помощи советских войск. Затем предполагалось, что это правительство похлопочет о включении Финляндии в состав СССР в качестве еще одной союзной республики. Но данный сценарий провалился. А советско-финское противоборство 1939–1940 гг. стало рядовым событием именно «империалистического» этапа Второй мировой войны.

Для многих современных историков роль успокоителя совести относительно всех этих «присоединительных» акций выполняет довод о восстановлении границ прежней Российской империи. Однако будем помнить, что в условиях XX столетия давние границы уже не могли быть аргументом при решении межгосударственных территориальных проблем. Что бы мы сказали, если бы монголы вздумали восстановить границы империи Чингисхана, имея для этого достаточно сил?

Таким образом, какой бы ретушью не прикрывалась проводимая сталинским режимом восточно-европейская политика, империалистический ее характер очевиден. И когда нынешние прибалты обвиняют Россию, признавшую себя правопреемницей СССР, в оккупации их территории, то мы зря обижаемся. И совершенно немощными, неубедительными выглядят доводы наших государственников о том, что, очистив от гитлеровцев восточные берега Балтийского моря, мы на законных основаниях восстановили свою власть на территориях, которые до войны уже входили в состав СССР. Говоря о советской оккупации Восточной Прибалтики, наши критики связывают эту оккупацию не только с действиями советских вооруженных сил в 1944–1945 гг. Они имеют в виду весь комплекс мер по включению этих территорий в состав СССР, начиная с 1940 г. Легитимными эти меры можно назвать, лишь очень погрешив против истины.

Третий текст истории Второй мировой войны вытекает из социально-политических процессов внутри СССР. С началом Великой Отечественной войны, на фоне советско-германского противостояния, в нашей стране развернулся очередной раунд гражданской войны. Его можно рассматривать третьим по счету после

событий 1917–1922 гг. и борьбы сталинского режима с крестьянством в связи с коллективизацией на рубеже 1920–30-х гг. Победа Красной Армии в начале 1920-х гг. и советских репрессивных органов в 1930-е гг. приглушила борьбу против большевистского (Ленина-Троцкого), а затем сталинского режима. Эта борьба приобрела подспудный характер. Радикальные противники большевизма вынуждены были притаиться, занять выжидательную позицию, полагаясь на то, что благоприятные условия для их выступления когда-нибудь позже созреют. И эти условия созрели.

Германская агрессия вселила в души противников режима надежду на то, что данного испытания он не выдержит. Для такой надежды были определенные основания. Историки до недавних пор послушно повторяли пропагандистский штамп времен «оттепели» о том, что в 1930-е гг. осуществлялись необоснованные репрессии. Необоснованными они представлялись только в свете слабой информированности советского человека о событиях 1920–30-х гг. Многие события и явления тех лет были предметом глубокой государственной тайны и не выходили на страницы исторических сочинений. Даже художественная литература и публицистика не смели их коснуться. Однако с конца 1980-х гг. и по настоящее время обнаружено достаточно материалов, свидетельствующих о том, что предвоенные десятилетия были временем не угасавшего, хотя внешне не особенно заметного сопротивления режиму. Сталинские функционеры в тот период в своих аналитических справках информировали «хозяина» о глухом недовольстве населения проводимой политикой. Такое недовольство накапливалось в самых разных слоях: в крестьянстве (особенно в бывших казачьих районах), среди интеллигенции и военных, в различных группах чиновничества вплоть до самых верхов. Поэтому репрессивные мероприятия 1930-х гг. были, в значительной мере, адресными и просчитанными, хотя под этот маховик попало очень много и случайных людей. Репрессии, с одной стороны, свидетельствовали о том, что режим имеет представление о своих оппонентах (они есть и их немало), а с другой – эти репрессии еще более усиливали отмеченное недовольство. В такой обстановке не доставало только детонатора, способного инициировать выброс наружу накопившегося протеста. Этим детонатором стала германская агрессия.

Не может быть спора по поводу того, что в 1941 г. началась война, в которой наш народ усмотрел задачу отстоять свою национальную независимость, защитить свою землю от поползновений иноземного завоевателя. Данное стремление народа и свято, и благородно. Но для определенной части народа (может быть для меньшинства, хотя – кто считал?) решение этой задачи виделось через посредство ликвидации существующего в стране режима, через использование против этого режима любого союзника.

Драматизм положения оппонентов заключался в том, что на рубеже 1930–1940-х гг. у них не оказалось иных союзников, кроме гитлеровской Германии. Да и объективно оценить гитлеровцев в первые годы войны было весьма непросто. Делала свое «черное дело» геббельсовская пропаганда, которая не уступала сталинской по разнообразию и изощренности методов (достаточно вспомнить использование немцами в своих интересах материалов о репрессиях НКВД в 1939–1940 гг. в отношении населения новоприсоединенных территорий, о расстрелах польских военнослужащих, захваченных осенью 1939 г.).

Собственные «достоинства» гитлеризма, в их самых жутких проявлениях, станут известны советской общественности только после полного изгнания оккупантов с нашей территории, а также после Нюрнбергского судебного процесса. Лишь после этого наши люди узнают о «бабьих ярах», «хатынях», «бухенвальдах» и «освенцимах». А в самом начале войны некоторые жители СССР восприняли немцев как цивилизованную силу; имели место случаи преподнесения завоевателям «хлеб-соли», создания некоего подобия прогерманских государств (примером может служить Локотская республика в Брянской области). Некоторые, пострадавшие в 1930-е гг., увидели в немцах силу, способную покончить со сталинским террором, политическим бесправием, колхозами (кстати, колхозы гитлеровцы в ряде случаев сохраняли, найдя в них удобный инструмент эксплуатации советских крестьян; эта форма организации сельского хозяйства оказалась «ценным» для тоталитарных режимов сталинским изобретением).

Помимо отмеченных иллюзий, которые в тот период питала часть населения нашей страны, трагическую роль сыграл также приказ Верховного главнокомандующего № 270. Он ломал судьбы трех с лишним миллионов советских военнослужащих, попавших в плен в первые месяцы войны. Этот приказ, объявивший их пре-

дателями, для многих наших молодых людей означал, что Родина не только не нуждается в их услугах, но и отталкивает их от себя. И тогда, потеряв моральную поддержку соотечественников, они встают на путь борьбы с той силой, которая лишила их Родины. Здесь – источник, из которого черпали людские ресурсы генерал А. Власов и другие организаторы русского противостояния силам советской власти.

Что касается угроз со стороны союзника в лице Германии, то в ходе самой войны они не особенно осознавались. Многим участникам борьбы против сталинского режима казалось, что Россию (СССР) немцы также не смогут покорить, как этого не смогли сделать в далеком прошлом ни их предки – рыцари-крестоносцы, ни монголы, ни поляки, ни шведы, ни французы. Россия представлялась страной настолько огромной и специфичной по многим параметрам, что она виделась способной поглотить и растворить в себе без остатка любого завоевателя. Лидеры антисоветских выступлений рассуждали в том духе, что необходимо использовать немцев как инструмент, как мощный таран, который поможет разбить сталинскую систему, а затем он (этот таран), как ненужный, будет отброшен, и в стране будет создано новое национальное государство, основанное на демократических началах. Наивность таких упований очевидна. А ее основой были не очень высокая образованность послереволюционного советского человека, совершенное незнание мощи, потенциала и намерений сомнительного союзника.

Известно, что по другую сторону баррикад в годы этой войны вели борьбу более одного миллиона наших соотечественников. От 400 до 600 тысяч из них в индивидуальном порядке воевали в составе вермахта, более 100 тысяч – во власовских дивизиях РОА и казачьих корпусах, многие состояли в различных более мелких формированиях, координировавших свои действия с германскими войсками. Такие масштабы сотрудничества с противником вынуждают непредвзятого историка искать другие категории при характеристике данного явления, нежели коллаборационизм, предательство и тому подобные пропагандистские термины. Очень важно при разработке этого исторического сюжета не выйти за пределы научного поля, сохранить спокойный тон, не стать пленником эмоций, какими бы мотивами они не навевались. В любом случае, следует признать – в рамках Второй мировой войны четко различимы элементы гражданского противостояния в России.

Четвертый текст великой трагедии XX столетия связан с застарелым (и большим) у нас национальным вопросом.

В период Второй мировой войны, как известно, активизировалось национально-освободительное движение в колониальных владениях европейских держав. И неудивительно: некоторые метрополии оказались в затруднительном положении. Разделенная Франция не способна была в это время эффективно контролировать ситуацию в своих колониях. Нидерланды и Бельгия были полностью оккупированы германскими войсками. Великобритания главные силы вынуждена была сосредоточить в Северной Атлантике для обороны своих берегов. А лидеры местных националистов в колониях возлагали надежды на успехи германских вооруженных сил, вступали в контакты с представителями Третьего рейха, видели в условиях большой европейской войны свой шанс на освобождение от колонизаторов.

Нечто подобное наблюдалось и на просторах советской империи. Быстрое продвижение германских войск и их союзников вглубь советской территории привело к выпадению из-под контроля Москвы целого ряда национальных регионов: недавно вошедших в состав СССР республик Прибалтики, а также Белоруссии, Украины и Молдавии. На этих территориях были предприняты попытки создания (или воссоздания) национальной государственности, как правило, на антирусской платформе. Вступление немцев в пределы Северного Кавказа возродило надежды участников довоенных повстанческих движений (о которых до недавних пор мы также ничего не знали) на то, что империя ослабла, вот-вот может рухнуть, и нужно ей в этом помочь.

На Кавказе в 1941 и 1942 гг. вспыхивает несколько антисоветских (а фактически антирусских) вооруженных восстаний. Успеха они не имели в виду малочисленности групп повстанцев. Для их разгрома оказалось достаточно одних только вооруженных сил НКВД. Однако эти восстания обострили межнациональные отношения и, с одной стороны, спровоцировали депортацию ряда этносов на восток страны, а, с другой стороны, вызвали отток на Запад части нерусского населения вместе с отступавшими германскими войсками. В результате, под германским командованием оказались кавалерийские корпуса калмыков и горцев Северного Кавказа. Из числа советских военнопленных немцы создали несколько формирований закавказских этносов (азербайджанцев, грузин, армян). Широко известны прогерманские воинские фор-

мирования в Прибалтике и на Западной Украине. Представляется, что если бы германские войска продвинулись до Урала и Средней Азии, то, вероятно, в антисоветское движение включились бы представители многих других этносов, и общее число сотрудничавших с противником составило бы уже не один миллион вчерашних советских граждан, а цифру, значительно более внушительную.

Таким образом, мы имеем все основания констатировать, что в период Второй мировой войны на оккупированных советских территориях имела место борьба этнических группировок против центральной власти, против своей метрополии. Их лозунги и программные требования отчетливо свидетельствуют о стремлении к отделению ряда окраинных территорий от России. Насколько эти требования были осуществимы, вопрос другой, выходящий за рамки данного сюжета. Важен сам факт выдвигания этих требований и факт национального противоборства с союзным центром, который связывался, в первую очередь, с русским этносом. И здесь скрываются корни многих противоречий и конфликтов, которые станут особенно заметны в процессе распада СССР и установления новых отношений постсоветской России с ее бывшими «сестрами-республиками».

Совершенно очевидно, что реконструкция истории Второй мировой войны с учетом названных четырех ее текстов чревата нарушением привычного для нас баланса представлений о составляющих эту войну элементах. Может пострадать сохранившаяся до наших дней, стройная, достаточно простая и понятная любому россиянину картина войны, когда четко были очерчены фронты, обрисованы «свои», герои-патриоты (они же защитники завоеваний Октября), с одной стороны, а с другой – враги всех мастей: немецко-фашистские оккупанты и их пособники, недобитые после революции эксплуататоры, изменники Родины, коллаборационисты и т. п. (и не видели мы промежуточных звеньев и полутонов, что вытекает из традиционного нашего православно-коллективистского сознания).

Да, действительно, существует угроза разрушения некоторых наших мифов и стереотипов. Но история как область научных знаний от этого только выиграет. Картина рассматриваемого периода предстанет более сложной (может быть, даже запутывающей обывателя разнообразными переплетениями) гаммой процессов и явлений. Но такой и была эта величайшая трагедия XX столетия, имя которой Вторая мировая война.